

И. К. Загидуллин**Петиции татар-казаков Оренбургского казачьего войска 1905 года как источник по изучению социокультурных проблем этносословных общин в начале XX века**

Одной из примечательных особенностей начального этапа Первой русской революции 1905—1907 гг. явилась разрешенная самодержавием представителям всех этносословных групп населения подача петиций, адресованных высшим инстанциям. С целью доведения до столичных имперских структур своих подлинных нужд социокультурного характера в петиционное движение активно включились татары-казаки Оренбургского казачьего войска.

В статье выделяются географические и хронологические рамки петиционной кампании в среде татар-казаков, состав уполномоченных и поселковых обществ, принимавших участие в данном общественном движении, отмечается общее и особенное в текстах коллективных ходатайств казаков и остального гражданского мусульманского населения волго-уральского региона. Просьбы татар-казаков, изложенные в петициях, структурируются по таким темам, как собственно казачьи проблемы, вопросы расширения религиозно-культурной автономии и предоставления мусульманам равных гражданских прав с остальным населением страны.

Ключевые слова: татары-казаки, Оренбургское казачье войско, Уральское казачье войско, революция 1905—1907 гг., петиционная кампания 1905 г., модернизация ислама, мусульманское образование.

Приметой научных исследований постсоветского периода по истории иррегулярных формирований Южного Урала следует признать появление новых работ по истории этнических групп в составе Оренбургского казачьего войска [2]. Благодаря трудам В. А. Кузнецова [19], А. И. Кортунова [17], А. И. Кортунова и А. А. Фокина [18], Р. Н. Рахимова [23], С. В. Джунджузова [11], И. Р. Атнагулова [6], Р. Р. Аминова [3], а также их коллег эта интересная и многоплановая тема претендует стать самостоятельным научным направлением. Доказательством достигнутых впечатляющих результатов в этой области исторических знаний за относительно короткий отрезок времени являются специальные разделы о татарах-казаках в коллективных монографиях, посвященных истории татарского народа [4; 7; 10] и иррегулярных войск Российской империи [5; 12; 13].

Несмотря на введение в научный оборот в рассматриваемый период огромного пласта источников из региональных и центральных архивов, вне поля зрения историков по сей день остается ряд важных научных проблем, среди которых особо следует указать слабую изученность источников, исходящих от самих татар-казаков. Комплексное изучение и введение в научный оборот письменного наследия представителей этой тюркской этнической группы, исповедующей мусульманскую религию, позволило бы раскрыть новые аспекты социального поведения татар-казаков, переосмыслить и уточнить казалось бы не подлежащий сомнению ряд моментов в оценке их мировоззрения, духовной культуры, жизнедеятельности в поликультурном казачьем сообществе.

Наше исследование представляется новым шагом в этом направлении и основано на прошениях татар-казаков, адресованных высшим инстанциям, в начальный период революции 1905—1907 гг. Цель статьи — выявление по текстам петиций — источникам, составленным уполномоченными татар-мусульман, ключевых социокультурных проблем местных этносословных обществ в начале XX в.

Кризис имперской власти, отчетливо проявившийся в 1904 г., вызвал к жизни новые инициативы самодержавия, направленные на стабилизацию напряженной общественной обстановки в стране. В частности, указом «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. было заявлено о намерении имперской

© Загидуллин И. К., 2019

власти пересмотреть законы «о правах... лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» (п. 6), а также «действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи» (п. 7) [21]. Другим законодательным актом от 18 февраля 1905 г. [22] представителям всех сословий дозволялось подавать в высшие инстанции петиции о своих нуждах и общественном обустройстве государства, что раньше являлось привилегией дворянских институтов.

Инициативы самодержавия по пересмотру законов, ущемляющих права российских подданных по конфессиональному признаку или месту жительства, представители различных этноконфессиональных и сословно-профессиональных групп населения восприняли восторженно. На политику правительства «доверия к общественным силам» в начальный период революции 1905—1907 гг. активно откликнулись и татары-казаки Оренбургского казачьего войска (ОКВ).

Крестившаяся часть татар в ОКВ в 1890 г. составляла 8709 чел. В категорию татар-мусульман власти официально включали все тюрко-мусульманские категории казаков — башкир, ногайцев и т.д. Последние под воздействием этнокультурных контактов к концу XIX столетия были ассимилированы татарами. В пореформенный период происходил их медленный, но неуклонный естественный прирост: к 1890 г. — 21 491 чел., или 6,52% в составе ОКВ [3, с. 93].

После отмены в конце 1860-х гг. ограничений на заселение территории ОКВ с правом приобретения недвижимости наметился новый этап в развитии религиозных общин казаков: началось заселение поселков мусульманами неказачьего сословия, что позитивно отразилось на укрупнении и образовании новых мусульманских приходов. Так, если в 1855 г. в ОКВ в 25 приходах действовали 28 богослужебных зданий, при которых служило 47 духовных лиц [14, с. 110—111], то к концу XIX в. центрами религиозной жизни были 45 мечетей [18, с. 84], где имамами служили главным образом обучавшиеся в медресе гражданские лица.

Новшества в религиозно-культурной жизни татар в составе ОКВ были связаны с этапом модернизации России последней трети XIX в.

26 марта 1870 г. были высочайше утверждены «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», сыгравшие директивную роль в реализации школьной политики в отношении коренных народов волго-уральского региона. «Правила» предполагали новую систему получения образования на русском языке в двух вариантах начальной школы для мусульман: 1) русско-татарское начальное училище, где родной язык учащихся использовался как средство для изучения русского языка и предусматривались часы на изучение основ ислама; 2) русский класс при всех вновь открывающихся мусульманских учебных заведениях, который в обязательном порядке до достижения 16-летнего возраста должны были посещать шакирды местной этноконфессиональной школы. Для подготовки учителей начальных школ из числа мусульман правительством были учреждены татарские учительские школы [20, с. 109; 25, с. 213—214; 26, с. 15—17].

К реализации «Правил» 1870 г. в ОКВ оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский подошел дифференцированно. В отношении казаков-нагайбаков успешно реализовывалась та часть «Правил», где речь шла об открытии начальных школ по системе Н. И. Ильминского для «инородцев-христиан» [3, с. 223—224]. При организации обучения детей мусульман-казаков на русском языке Н. А. Крыжановский «Правила» 1870 г. проигнорировал: отказавшись от учреждения сети русско-татарских школ, он обязал казаков-мусульман отдавать сыновей в казачьи русские начальные школы.

Для руководства ОКВ «Правила» 1870 г. стали своеобразным сигналом для активного расширения сети начальных училищ — 15 мая 1871 г. по инициативе оренбургского

губернатора К. Н. Боборыкина в Оренбурге открылся 1-й съезд учителей казачьих школ [9]. С этого времени обучение казачат, достигших 8- или 9-летнего возраста, в начальной школе стало обязанностью каждого родителя. Помимо учебной программы учащиеся в стенах училища должны были отрабатывать строевую выправку, маршировку, построение, кавалерийские сигналы и т.д. [1]. Первоначально предписание К. Н. Боборыкина от 19 августа 1871 г. тотально не выполнялось, поскольку формирование сети школ было далеко от завершения. С этого времени проживавшие в поликонфессиональных поселках татарские мальчики обучались в начальных училищах. Однако муллы¹ и родители по-прежнему стремились обеспечить приоритетность местного мектеба, где казачата изучали основы ислама и математики, грамоту и письмо на родном языке.

Ответом на скрытый бойкот глав татарских семейств по школьному вопросу стал приказ атамана ОКВ М. И. Астафьева (1881—1882 гг.), обязавший с 1882 г. обучать детей мусульман в обязательном порядке в местной русской школе с 9 часов утра до 2 часов пополудни, посещению мектеба отводилось лишь «свободное время» — с 6 до 8 часов утра и с 7 до 9 часов вечера [15, с. 110]. Как видим, в ОКВ окончательно утвердилась новая модель обучения детей казаков-мусульман, основанная на приоритетности русского образования над национально-религиозным. Новшество означало, что родители, проживавшие в поселках, где отсутствовали русские училища, обязаны были отправлять своих сыновей в соседние населенные пункты, что практически лишало последних возможности посещать местное мектебе, за исключением воскресных дней и православных религиозных праздников.

Приходские общественные институты — мечеть и этноконфессиональная школа — обслуживали духовные потребности всех жителей поселка независимо от их статуса. Однако мектебе вследствие их расположения на территории ОКВ подчинялись приказам наказного атамана. От нового «графика работы» мусульманских учебных заведений больше всего страдало неказачье население.

Новый виток напряженных отношений между приходскими обществами и военной администрацией наметился после циркулярного предписания атамана ОКВ генерал-майора В. И. Ершова (1892—1899 гг.) от 8 сентября 1892 г., которым запрещалось обучать детей казаков в мусульманских школах. В качестве альтернативы им дозволялось обучаться основам ислама в станичных и поселковых русских школах три раза в неделю, в специально отведенные дни [15, с. 258—259]. Таким образом, военное начальство создало для мусульман новый тип казачьей школы, где в отведенные часы местный мулла обучал детей мусульман основам ислама на родном языке. Одновременно военная администрация открыто приступила к свертыванию сети традиционных мусульманских школ², от массового закрытия мектебов страдали прежде всего проживавшие в поселках татары неказачьего сословия.

Действия властей вызвали справедливое возмущение приходских обществ, прежде всего неказачьих, протестовавших против ущемления свободы вероисповедания, неотъемлемой частью которой являлось получение этноконфессионального образования. Стремясь защитить свои права, прихожане и имамы подавали жалобы на имя оренбургского муфтия. Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС)³ на своем заседании 4 декабря 1893 г. в качестве ответа на жалобы, поступившие от мусульманских приходов

¹ Мулла — общепринятое название имамов и хатибов, духовных лиц при мечетях, руководивших общественной молитвой.

² Согласно сведениям 1895 г., в ОКВ насчитывалось всего 14 «татарских школ», преподавание в которых велось на русском языке [28, с. 20].

³ ОМДС, со своей стороны, 16 и 30 января 1893 г. обратилось с жалобой в МВД, приложив шесть прошений казаков-мусульман, относящихся к населенным пунктам Татищевского и Нижне-Озерного станичных округов и Линевскому поселку, и 10 рапортов имамов разных поселков ОКВ. Однако силовое ведомство признало действия оренбургского начальства «правильными» [27, с. 101—102].

ОКВ, вынесло постановление, подтверждающее обязательность знания государственного языка для казачат-мусульман [29, б. 172].

Потеряв последнюю надежду и находясь под воздействием слухов о предстоящем крещении, жители казачьих поселков в 1893 г. стали эмигрировать в Османское государство. Большую роль в «успокоении» населения сыграл оренбургский муфтий, который по собственной инициативе 9 июля — 3 августа 1893 г. посетил селения Оренбургской губернии¹.

Итак, на рубеже столетий между мусульманским духовенством, казачьими махаллями (приходами), с одной стороны, и руководством ОКВ — с другой, существовали напряженные отношения.

География и участники петиционного движения в ОКВ

В географическом плане петиционной кампанией были охвачены общества 21 населенного пункта в восьми станичных округах² (1-й и 2-й военные отделы) ОКВ и один поселок Уральского казачьего войска (УКВ).

Хронологические рамки данного общественного движения охватили период с конца марта по май 1905 г. Огромное значение в расширении географии и состава участников петиционной кампании сыграл закон «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., которым впервые было объявлено о предоставлении каждому российскому подданному свободы вероисповедания. Для мусульман, особенно для мулл, законодательный акт стал убедительным доказательством приверженности имперской власти к заявленным в указе от 14 декабря 1904 г. задачам и прибавил смелости их действиям. Как видим из таблицы 1, первые три прошения были поданы до 17 апреля, остальные — после издания закона «Об укреплении начал веротерпимости».

После отправки по почте текстов председателю Комитета министров (только одна петиция, поданная от восьми поселковых обществ, была адресована одновременно С. Ю. Витте и императору Николаю II) казаки терпеливо ждали составления «справедливых законов». Когда член Особого совещания по делам веры В. П. Череванский публично заявил о том, что он не находит «возможным удовлетворить петиционное требование по мусульманскому вопросу о воспрещении миссионерской деятельности среди мусульман», доверенный казаков станицы Пречистенская Абдулла Ишаев адресовал 7 сентября 1905 г. высокопоставленному чиновнику протестную «докладную записку»³. Это прошение выбивается из общего потока петиций и является реакцией на деятельность Особого совещания по делам веры под председательством графа А. П. Игнатьева, призванного изучить петиции и составить рекомендации для разработки новых законов. Поскольку в «докладной записке» выделялись концептуальные насущные просьбы татар-казачков, мы сочли правомерным включение ее в таблицу 1.

¹ Главными центрами переселения оказались станицы Нижне-Озерная, Татищевская, Пречистенская. На момент посещения муфтием из поселка Зубочистенское II уехали 13 семейств, из Чесноковки — 20, Рычковского — 5 семей, в других населенных пунктах наблюдались лишь отдельные случаи. К этому времени переселение прекратилось: доверенные, возвратившиеся из Османского государства, сообщили единоверцам, что особых льгот там не предоставляют и даже не будут принимать без предварительного соглашения с Россией. Эмигрировавший за границу писатель Гаяз Исхаки в конце мая 1943 г. посетил расположенную близ города Эскишехир деревню Корыюек, где расселялись выехавшие из России татары. По сообщениям местных жителей, высокий гость зафиксировал в своем дневнике названия казачьих поселений, из которых они эмигрировали в Османское государство: «Иске Зубачи», «Яңа Зубачи», «Татищев», «Чисноков» и «Тукмак». Помимо них здесь также проживали бывшие уроженцы селений Уфимской, Пермской губерний и города Семипалатинска [15, с. 290].

² Нижне-Озерный, Татищевский, Буранный, Гирьяльский, Ильинский, Таналыкский, Воздвиженский и Пречистенский.

³ Ишаев выступал против русификаторского характера государственной школы, заявлял, что миссионерская деятельность среди мусульман нежелательна и опасна «для общего блага государства и народа» [24, л. 300—300 об.].

Общества казаков ОКВ и УКВ, принимавшие участие в петиционной кампании 1905 г.

Форма	Поселки, жителями которых через уполномоченных были поданы прошения	Уполномоченные	Дата	Р/М*	Станичный округ	Воен. отд.	Култ. здания**	Адресовано
1	1) пос. Нижне-Озерный пос. Чесноковский	урядник Кагарман Сеит-Батталович Дашков	28 марта	Р	Нижне-Озерный	1, ОКВ	1) мечеть, церковь 2) мечеть, церковь	Пред. КМ*** и императору
	Татищевский				3) мечеть, церковь 4) 2 мечети 5) —			
	Буранный				6) мечеть, церковь 7) мус. и правосл. дома			
	Илецкий				УКВ	неизвестно		
2	2) ст. Гирьяльская	Ишмухамет Абдрахманов, Сибгатулла Сайдашев	30 марта	Р	Гирьяльский	1, ОКВ	мечеть, церковь	Пред. КМ
3	3) пос. Никольский	урядник Шагиахмет Салихов, муадзин Кагбыл Акбер Ишмухаметов	15 апр.	М	Ильинский	1, ОКВ	две мечети	Пред. КМ
	4) пос. Донской	муадзин Мардакамал Абликеев	1 мая	М	Ильинский	1, ОКВ	мечеть	Пред. КМ
	5) пос. Алабайтал	муадзин Мухамет Абдулвагапов, казак Гариф Арысланов	3 мая	М	Гирьяльский	1, ОКВ	мечеть, часовня	Пред. КМ
	6) пос. Верхнезубочистенский	мулла Султангузинского прихода Габдулганей Габдулкадирович Габитов	5 мая	Р	Таналыкский	2, ОКВ	—	Пред. КМ
	7) пос. Новочеркасский 1-й	казак Ситдык Хозеевич Баширов	22 мая	Р	Гирьяльский	1, ОКВ	мечеть, часовня	Пред. КМ
	8) пос. Воздвиженский	мулла Мухаммад Харис Галеев, казак Хузя Таюп Каракаев	14 мая	Р	Воздвиженский	?	мечеть, церковь	Пред. КМ
	9) ст. Ильинская	казак Гариф Рахманкулов	б/д [конец мая]	М	Ильинский	1, ОКВ	мечеть, церковь	Пред. КМ
4	10) пос. Никитинский пос. Аблязовский пос. Верхние Чебеньки ст. Нижние Чебеньки	отставной казак Абдулла Ишаев	б/д [ранее 19 апр.]	М	Пречистенский	1, ОКВ	две мечети	Пред. КМ
5	11) ст. Таналыкская	аноним	[ранее 24 апр.]	М	Таналыкский	2, ОКВ	мечеть, церковь	Пред. КМ
6	12) ст. Пречистенская	отставной казак Абдулла Ишаев	7 сент.		Пречистенский	1, ОКВ	две мечети	Череванский

Составлено по: [24, л. 274—309 об.].

Примечания: * Р — рукописное; М — машинописное; ** сведения 1890 г. [3, с. 328]; *** Пред. КМ — председателю Комитета министров.

В подаче петиций, включая одно анонимное прошение, участвовали 15 доверенных лиц, в высшие имперские инстанции они адресовали 12 прошений (табл. 2). По статусу их можно разделить на три категории: почти половина уполномоченных (7 чел., или 46,7%) — собственно казаки (2 урядника, 4 казак и отставной казак), 5 представителей духовенства (2 муллы и 3 муадзина¹) (33,3%), 2 гражданских лица из мусульман² (13,3%) и неизвестный уполномоченный, которого мы посчитали как одно физическое лицо (6,7%).

Таблица 2

Численность уполномоченных обществ казачьих поселений ОКВ, участвовавших в подаче петиций в 1905 г.

Статус уполномоченных	Число уполномоченных	Число прошений/обществ	Прошения/общ. приговор
Духовное лицо	2	2/2	2/–
Духовное лицо / казак	3/3	3/3	3/–
Казаки	3	3/9	3/1
Отставной казак*	1	2/5	2/–
Гражданское лицо	2	1/1	1/–
Аноним	(1)	1/1	1/–
Итого	15	12/21	12/1

Составлено по: [24, л. 274—309 об.].

Примечание: * — отставной казак Абдулла Ишаев выступил в качестве уполномоченного дважды.

Примечательно, что двое гражданских лиц подали одно прошение от имени односельчан, два духовных лица по отдельности — по одному прошению от жителей двух населенных пунктов. Четырьмя уполномоченными-казаками было подано 5 прошений от имени 14 поселковых обществ. Без учета одного анонимного ходатайства три прошения от трех казачьих обществ были составлены тандемом «духовное лицо и прихожанин-казак».

В конце марта 1905 г. казачьим урядником и двумя гражданскими лицами было составлено по одному прошению. Духовные лица вышли из «тени» во второй половине апреля — мае 1905 г. и выступили в качестве организаторов/уполномоченных. На их активность позитивно повлияли закон «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и известие о разработке совещанием улемов округа ОМДС (Уфа, 5—10 апреля 1905 г.) проекта устава религиозного управления, основанного на принципах свободы вероисповедания, собраний и свободы слова [24, л. 306—307].

Отличительной чертой казачьей петиционной кампании следует признать тот факт, что к прошением не прилагались общественные приговоры, дающие уполномоченным право представлять интересы поселкового общества. Видимо, уполномоченные имели на руках общественные приговоры³ или, скорее всего, действовали на основании уст-

¹ Муадзин — духовное лицо, в определенное время призывающий единоверцев к молитве провозглашением символа веры с минарета или крыльца мечети.

² Помимо выступления их в качестве уполномоченных об этом свидетельствует также заглавие коллективного прошения татар-казачьих поселков Никитинский, Аблязовский, Нижние Чебеньки Пречистенского станичного округа, где имеется указание о подаче прошения от имени пяти мусульманских приходов трех населенных пунктов.

³ В тексте уполномоченных татар-казачьих Гирьяльской станицы Ишмухамета Абдрахманова и Сибгатуллы Сайдашева имеется надпись: «данная нам доверенность обществом находится при нас» [24, л. 279 об.].

ных договоренностей, зная, что не понесут наказания за свой поступок. Исключением является прошение урядника Нижне-Озерного поселка ОКВ Кагармана Сеит-Батталовича Дашкова от 28 марта 1905 г.: он выступил уполномоченным от восьми поселковых обществ казаков-татар¹. Примечательно, что первыми 20 марта 1905 г. общественную доверенность подписали жители Озерского поселка Илецкой станицы УКВ [24, л. 323—323 об.]. Получается, что именно от них исходила инициатива петиционной кампании в казачьих войсках Южного Урала.

Характерной чертой петиционной кампании мусульманского гражданского населения округа ОМДС в 1905 г. было широкое использование «образцовых» текстов. Не стало исключением и сообщество казаков Южного Урала. Символично, что соавторами «образцового» текста от 15 апреля 1905 г. были уполномоченные: духовное лицо (муадзин Кагбыл Акбер Ишмухаметов) и казачий урядник (Шагиахмет Салихов). Вероятно, этим машинописным текстом представители шести поселковых обществ заинтересовались прежде всего потому, что он наиболее полно отражал чаяния и нужды казаков-мусульман².

В четырех из шести скопированных петиций бросается в глаза «муллинский след»³. В двух случаях миссию уполномоченных исполняли муадзин и мулла. По две петиции с аналогичным текстом были поданы тандемом «духовное лицо и прихожанин-казак» и казаками-уполномоченными.

Характерной особенностью организации подачи прошений в среде казаков являлась также высокая социальная активность населения — в общественное движение по доведению до имперских структур своих чаяний было вовлечено около половины приходских обществ. Другими примечательными чертами петиционной кампании были: высокий процент (6 из 12) оригинальных текстов, $\frac{2}{3}$ прошений (8 из 12) отпечатаны на пишущей машинке «Ремингтон».

Следует выделить анонимную петицию, поданную от имени общества казаков Таналыкской станицы (указание в тексте гражданской административно-территориальной единицы — Орский уезд — позволяет с уверенностью определить, что ее составителем было гражданское лицо. — *И. З.*). Еще одна примета петиций казаков заключалась в том, что во всех текстах говорилось о дискриминации мусульман в учебно-образовательной сфере.

Основные темы, озвученные в прошениях казаков

Исходя из содержания петиций озвученные в них темы мы подразделили на три группы: 1) собственно казачьи проблемы (табл. 3); 2) вопросы укрепления религиозно-культурной автономии⁴ и расширения прав ее общественных институтов; 3) достижение в империи гражданского равноправия российских подданных независимо от их этноконфессиональной принадлежности и места проживания.

¹ Общества Нижне-Озерного и Чесноковского поселков Нижне-Озерной станицы, Рычковского, 1-го и 2-го Зубочистенских поселков Татищевской станицы, Линевского и Ново-Илецкого поселков Буранной станицы ОКВ и Озерского поселка Илецкой станицы УКВ [24, л. 323—323 об.].

² Три из них были напечатаны в Оренбурге (о чем имеется запись в конце текста).

³ Прошение уполномоченных татар-казачьих Верхнезубочистенского поселка Таналыкской станицы муллы Султангузинского прихода Габдулганя Габдулкадировича Габитова от 5 мая 1905 г. [24, л. 301—303] и ходатайство доверенных казаков-мусульман Воздвиженской станицы муллы Мухамад Хариса Галева и казака Хузя Таюпа Каракаева от 14 мая 1905 г. [24, л. 282—285].

⁴ Религиозно-культурная автономия в округе ОМДС — система реализации татарами и башкирами в аграрной России своих духовных и культурных потребностей в рамках мусульманских приходов.

Таблица 3

Собственно казачьи проблемы, изложенные в петициях 1905 г.

Темы	Формы прошений					
	1	2	3	4	5	6
1. Предоставление права свободного вероисповедания и свободы отправления богослужения, свободы устройства мечетей			+			
2. Предоставление «отпавшим» или переведенным в православную веру права «свободного возвращения» в ислам, «в их родную религию»			+			
3. Приносить присягу на родном языке			+			
4. Предоставление во время походов возможности иметь своего резака для убоя скота и приготовления пищи			+			
5. Освобождение от воинской повинности всех мусульманских духовных лиц в казачьих приходах				+		
6. Прекращение практики принудительного зачисления детей казаков-мусульман с 8-летнего возраста в русскую школу	(+)*	+	(+)*			
7. Разрешить детям казаков-мусульман до 16-летнего возраста учить грамоту на родном языке, а с 16 лет поступать в русскую школу	+		+			
8. Разрешить детям в первый год обучения (в 8 лет) обучаться только в татарской школе, в последующие годы по три дня в неделю (в том числе в пятницу) — в мектебе, три дня — в начальной русской школе		+				
9. Предоставить право детям, обучающимся в казачьих школах, обучаться в медресе и мектебе такое же количество часов в неделю, какое полагается обучаться по-русски				+	+	
10. Освободить дочерей казаков-мусульман от обязательного посещения русских школ			+			
11. Освободить казаков-мусульман от расходов на содержание русской школы			+			
12. Отмена распоряжений военного начальства по закрытию мектебов и медресе	+	+				
13. Прекращение миссионерской и русификаторской школьной политики						+

Составлено по: [24, л. 274—309 об.].

Примечание: * — такой логический вывод следует из п. 7.

Таким образом, ущемления в социальной жизни татар-казачьих в правовом плане наиболее грамотно и системно были изложены в прошении формы № 3¹, не случайно его текст в качестве «образцового» был использован еще шестью казачьими обществами.

¹ Целый ряд претензий по поводу ущемленного положения мусульман, принадлежащих к казачьей корпорации, был зафиксирован только в этой группе петиций. Это:

- дозволение казакам приносить присягу на родном языке;
- разрешение во время походов иметь своего резака для убоя скота и приготовления пищи;
- предоставление казакам, отпавшим от мусульманской веры «или переведенным в православную веру, права свободного возвращения в их родную религию»;
- освобождение казаков-мусульман от расходов на содержание русской школы;
- освобождение девочек-мусульман от обязательного посещения русских школ. (Реакция на вовлечение девочек-мусульманок в русскую начальную систему образования. — *И. 3.*) [24, л. 295—298].

Некоторые из проблем, поднятых в прошениях формы № 3, были озвучены и в других прошениях. Центральной темой в большинстве из них являлись разъяснение негативных последствий запрета обучения в этноконфессиональной школе и конкретные предложения по выходу из кризисной ситуации.

На волне демократизации общественной жизни в России уполномоченные смело и открыто излагали свои претензии к имперской власти. В этой связи их оценка кризисной социокультурной ситуации в области школьного образования представляет несомненный научный интерес. Главным ущемлением в прошениях называлось воспрепятствование со стороны начальства обучать детей в этноконфессиональной школе. По мнению составителей прошений формы № 3, «порядок обучения мальчиков с 8 лет в русской школе, препятствуя им в изучении родной религии и родного языка, не сообщает им сколько-нибудь удовлетворительных знаний и в русском языке, ибо в русских школах¹ один русский учитель, не зная по-татарски и имея около 90 татарских, не говорящих по-русски детей, едва успевает к 15-летнему возрасту этих детей обучить едва читать и писать по-русски» [24, л. 276].

Одной из важнейших издержек непосещения мектебов просители считали «недостаточное знание вероучения» и изъяны в религиозно-нравственном воспитании своих детей (прошение формы № 4)².

Предложения участников петиционной кампании по разрешению «школьного вопроса» сводились к двум вариантам. Первый в целом совпадал с просьбами единоверцев неказачьего сословия округа ОМДС, его правомерно охарактеризовать как мнение представителей традиционного мусульманского сообщества. Эта позиция, представленная в петициях форм № 1 и 3, заключалась в возвращении к модели этноконфессионального образования казаков-мусульман дореформенного периода. Рекомендовалось обучать детей мусульман до 16-летнего возраста в этноконфессиональной школе, а затем отдавать их в русскую школу. Иными словами, они должны были получать начальное (и среднее) образование на родном языке, а затем продолжить обучение в русской школе. Естественно, с учетом установленного в России школьного возраста, трудно представить, чтобы 16-летние юноши поступали в начальную русскую школу. Тем не менее в данном случае было важно закрепление принципа организации этноконфессионального образования. При этом в прошении формы № 1 выражалась уверенность, что мусульмане непременно по уровню знания русской грамоты догонят своих сверстников: «дознано опытом: мальчишки-магометане, будучи грамотны по-магометански, скоро усваивают русскую грамоту». Этот вариант, очевидно, не исключал возможности добровольного обучения мальчика-татарина русскому языку. В целом первый вариант решения «школьного вопроса» правомерно обозначить как обязательность этноконфессионального образования до шестнадцатилетнего возраста и добровольность изучения русской грамоты.

Второй вариант решения «школьного вопроса» являлся чисто «казачьим». Петиции этой группы объединяет просьба о прекращении практики принудительного зачисления детей с 8-летнего возраста в русскую школу, где они продолжали обучение до 16 лет. Просьба, с одной стороны, была неким компромиссом по отношению к предписаниям военного начальства, с другой — отражала религиозную совесть казаков и позицию приходского духовенства. Предлагалось вернуться к модели на «паритетных началах»,

¹ Курс станичных поселковых русских школ был приравнен к начальным двухклассным и одноклассным сельским училищам МНП.

² «Только религиозно-нравственное воспитание, данное мальчику в школьном возрасте, может выработать из него хорошего гражданина. Но, к сожалению, мы лишены возможности воспитывать детей наших в духе нашей религии целым рядом стеснительных мер оренбургского войскового начальства», — отмечалось в петиции [24, л. 295 об.].

которая действовала в ОКВ в 1882—1892 гг., и предоставить детям право обучаться «по-мусульмански» столько же часов в неделю, сколько полагалось «обучаться по-русски» (прошения форм № 4 и 5). В прошении формы № 2 эта мысль в методическом плане была выражена более конкретно и четко: 1) чтобы в первый год поступления в школу дети преимущественно обучались лишь в мектебе, усваивали татарскую грамоту и основы мусульманской религии, в последующие годы посещали русские школы, а три дня в неделю, включая пятницу, обучались только в татарской школе.

Аспекты расширения религиозно-культурной автономии в округе ОмДС

Казачьи мусульманские приходы в духовно-административном плане подчинялись ОмДС. Поэтому представляется закономерным, что некоторые предложения в их петициях имели отношение к расширению религиозно-культурной автономии мусульман округа Духовного собрания. С целью систематизации изложенных в петициях предложений мы сгруппировали их следующим образом: 1) восстановление прежнего статуса институтов религиозно-культурной автономии и прекращение вмешательства государства и РПЦ в духовно-образовательную сферу мусульман (табл. 4); 2) расширение религиозно-культурной автономии и повышение статуса ее институтов (табл. 5)¹.

Таблица 4

Предложения, зафиксированные в петициях, по восстановлению дореформенного статуса институтов религиозно-культурной автономии

Темы	Формы прошений					
	1	2	3	4	5	6
1. Не допускать сокращения числа мечетей и мулл	+					
2. Разрешать муллам совершать браки магометан с иногородними и обучать иногородних детей в татарских школах	+					
3. Сохранение использования рукописных пособий и иностранных религиозных книг в школе	+					
4. Допущение к преподавательской и пастырской практике мулл, обучавшихся в заграничных исламских образовательных центрах	+					
5. Передача школ из МНП в ведение ОмДС	+			+		
6. Отмена практики исправлений русским цензором цитат из Корана в мусульманских религиозных книгах	+					
7. Разрешение открывать новые мектебы и медресе без русского класса	+					
8. Отмена русского образовательного ценза для кандидатов в муллы	+	+		+	+	
9. Отмена русского образовательного ценза для кандидатов на должности мулл, членов ОмДС и муфтия			+			

Составлено по: [24, л. 274—309 об.].

Непременным условием достижения заявленной цели признавалась отмена ряда законов и предписаний ведомственных учреждений пореформенного периода: «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. об открытии новых мусульманских школ непременно с русским классом, содержащимся за счет местных обществ (п. 7); закона от 24 ноября 1874 г. о передаче мектебов и медресе волго-

¹ Ряд их предложений по расширению прав исламских институтов мог быть распространен и на собственно казачьи приходы, однако в данном случае главным водоразделом выступало наличие или отсутствие в тексте указания на отнесение этих рекомендаций к казакам.

уральского региона из ведения ОМДС в компетенцию МНП (п. 5); законов от 16 июля 1888 г. и 11 октября 1890 г. по части введения русского образовательного ценза для кандидатов на должность муллы (п. 8); циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. о запрещении использовать в учебном процессе в мектебах и медресе рукописных и печатных учебных пособий, не проверенных российской цензурой, о недопущении к преподавательской работе российских подданных, получивших образование в зарубежных исламских образовательных центрах (п. 3 и 4) [15, с. 111—134]. В прошениях выражалось опасение по поводу возобновления практики исправления цитируемых в книгах аятов Корана, что в 1890—1892 гг. практиковал цензор Смирнов (п. 6) [15, с. 99—100]. Выражался протест против административных действий военного начальства, запрещавшего муллам совершать браки единоверцев с иногородними и обучать детей иногородних мусульман в татарских школах (п. 2). Заявление не допускать сокращения числа мечетей и мулл (п. 1) являлось ответной реакцией на опубликованное в газетах и «Церковном вестнике» [30] предложение руководства Уфимской епархии об упразднении Духовного собрания и сокращении числа мечетей, духовенства и конфессиональных школ, которое было включено во всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода за 1890—1891 гг.

В целом казаки просили у имперской власти доверять мусульманам и заявляли о готовности подтвердить оказанное доверие ценой своей жизни.

Таблица 5

Предложения, зафиксированные в петициях, о расширении религиозно-культурной автономии и повышении статуса ее институтов

Темы	Формы петиций					
	1	2	3	4	5	6
Статус ОМДС						
1. Автономность ОМДС от губернского правления	+			+		
2. Автономность ОМДС от всех учреждений			+			
3. Подчиненность ОМДС только МВД		+				
4. Избрание мусульманами муфтия	+					
5. Избрание мусульманами муфтия из числа духовных лиц		+	+*		+	
6. Избрание мусульманами кадиев, членов ОМДС	+	+	+		+	
7. Передача в исключительное ведение ОМДС:						
<i>мусульманских школ</i>	+	+	+	+	+	
<i>назначения мулл при мечетях</i>				+		
<i>избрания учителей мусульманских школ</i>			+	+	+	
<i>назначения мугаллимов и мударрисов, надзор за правильностью учения, нравственным поведением учителей и шакирдов</i>				+		
<i>открытия мечетей</i>					+	
<i>открытия, строительства, ремонта мечетей</i>		+		+		
<i>открытия новых приходов</i>				+		
<i>вопросов наследования и раздела имущества</i>		+	+		+	
<i>семейно-брачных дел</i>			+		+	
<i>разбора недоразумений и споров, назначения должного внушения, связанного с приходами, мечетями и школами</i>				+		
<i>управления и заведывания вакуфами</i>			+			
<i>цензуры и издания книг, журналов и брошюр религиозного содержания на всех языках</i>			+		+	

Темы	Формы петиций					
	1	2	3	4	5	6
<i>права определения учителей основ ислама в русских учебных заведениях</i>	+					
8. Сохранение за ОМДС права контроля за порядком богослужения, за исполнением обрядов, исполнением духовных треб			+			
Статус приходского духовенства						
9. Передача духовенству решения дел по шариату с согласия или утверждения ОМДС и муфтия				+		
10. Предоставление духовенству льготы от уплаты налогов и исполнения повинностей податного населения (уравнение в правах с православным духовенством)	+					
11. Предоставление духовенству льготы от воинской повинности (уравнение в правах с православным духовенством)	+	+	+			
12. Освобождение от мобилизации в армию служащих мулл	+					
13. Разрешение на проведение съездов мулл для обсуждения религиозных вопросов					+	
Статус этноконфессиональных школ						
14. Уравнение медресе в правах с православными духовными училищами	+					
15. Уравнение в правах выпускников медресе с выпускниками православных духовных училищ	+					
16. Требование свидетельства в знании родной грамоты от мусульман при поступлении их в русские школы	+					
Статус общества прихода						
17. Предоставление приходскому обществу права увольнять от должности духовных лиц				+		

Составлено по: [24, л. 274—309 об.].

Примечание: * В тексте речь идет о необязательности для кандидата в муфтии знать русский язык, из чего мы заключили, что он должен быть духовным лицом.

Предложения по расширению религиозно-культурной автономии мусульман имели в виду следующее: 1) муфтий и заседатели религиозного управления должны избираться из лиц духовного звания и/или мусульманами округа ОМДС; 2) все вопросы, имеющие отношение к семейному и наследственному праву, цензуре и изданию религиозных книг и журналов, к постройке и ремонту мечетей, управлению вакуфами, образованию новых приходов, наблюдению за порядком при богослужениях, за приличным содержанием мечетей, открытию мектебов и медресе без обязательства иметь при них русские классы и заведованию мусульманскими школами (приличное содержание мектебов и медресе, назначение учителей, надзор за правильностью обучения, нравственным поведением мугаллимов¹, мударрисов² и шакирдов³), должны находиться в исключительном ведении Духовного собрания; 3) муллы должны быть уравнены в правах с православными

¹ Мугаллим — учитель начальной мусульманской школы, мектеба. Обучением мальчиков занимался местный мулла или муадзин.

² Мударрис — преподаватель средней или высшей мусульманской школы, медресе. Обучением занимался местный ученый мулла.

³ Шакирд — учащийся мусульманской школы.

ми священниками, должна соблюдаться правовая защита приходского духовенства: при наложении властями какого-либо наказания оно должно быть согласовано с Духовным собранием и муфтием и т.д. Обществу прихода просили предоставить право увольнять духовных лиц от должности с согласия ОМДС (такое право у них было; видимо, речь шла о его регламентации).

Итак, в прошениях выделялся блок пожеланий, направленных на расширение религиозно-культурной автономии мусульман округа ОМДС, которые были также характерны петициям сельских и городских общин гражданского населения. Повышение правового статуса религиозных институтов должно было достигаться: 1) путем передачи ряда полномочий центральных ведомств и губернской администрации, курирующих мусульманские институты, в компетенцию ОМДС, тем самым превращая его в автономное, облеченное доверием императора правительственное учреждение, члены которого избирались представителями мусульманского сообщества, и 2) путем уравнивания их прав с аналогичными учреждениями РПЦ.

Вопросы гражданского равноправия мусульман были зафиксированы главным образом в анонимной «докладной записке», поданной от имени общества казаков-мусульман Таналыкской станицы (форма № 5). Вопросы гражданского равноправия в петиции сельского населения, как правило, включались представителями национальной интеллигенции [8, с. 199, 200]. Поэтому считаем, что она была составлена представителями татарской интеллигенции Оренбурга (табл. 6).

Таблица 6

Вопросы гражданского равноправия, зафиксированные в петициях

Темы	Формы прошений					
	1	2	3	4	5	6
1. Предоставление мусульманам свободы слова и печати					+	
2. Предоставление мусульманам одинаковых прав государственной службы «наравне с коренным православным населением»					+	
3. Предоставление мусульманам права свободного проживания и приобретения недвижимой собственности во всей Европейской и Азиатской России					+	
4. Уравнивание татар в правах с русскими переселенцами: свободное проживание в казахских волостях и ведение там крестьянского хозяйства	+					
5. Предоставление мусульманам права иметь своего представителя на Особом совещании по делам веры				+	+	
6. Право по выслуге лет на звание почетных граждан: уравнивание в правах с другими категориями населения		+				
7. Недопущение лишения (с целью защиты новокрещен от влияния мусульман) единоверцев права занятия должностей в волостных правлениях, сельского старосты и волостного писаря в местностях и поселениях, где мусульмане проживают с русскими	+					
8. Разрешить новобранцам принимать присягу на татарском языке					+	
9. Открытие частных общеобразовательных школ с преподаванием на татарском языке					+	

Составлено по: [24, л. 274—309 об.].

Речь в анонимной «докладной записке» шла о предоставлении российским мусульманам свободы слова и печати, одинаковых с православным населением прав государ-

ственной службы, свободного проживания и приобретения недвижимой собственности во всей Европейской и Азиатской России, возможности открывать частные общеобразовательные учебные заведения с преподаванием на татарском языке, о принятии мусульманами, призванными на воинскую службу, присяги на родном языке и т.д. [24, л. 304—304 об.]. В целом эти требования были созвучны лозунгам земских и мусульманских либералов.

Просьба о предоставлении мусульманам права иметь своего представителя на Особом совещании по делам веры под председательством графа А. П. Игнатьева была зафиксирована также в прошениях форм № 4 и 5, что доказывало готовность татар к законотворческой деятельности в центральных имперских структурах. Эта просьба была услышана оренбургским муфтием М. Султановым, который рекомендовал председателю Особого совещания по делам веры в качестве представителей ОМДС наряду с другими лицами имама Ибрагим Аминова (2-й Зубочистенский поселок, ОКВ) и ахуна Габдулхаира Ишкулова (поселок Мухорский, УКВ) [15, с. 415]¹.

Забываясь о статусе крестьян-единоверцев волго-уральского региона, составитель петиции (форма 1), за которым стояли семь обществ татар-казаков ОКВ и одно общество татар-казаков УКВ (табл. 1), ставил вопросы равноправия с русскими переселенцами в Казахской степи: дозволение мусульманам ведения земледельческого хозяйства, а также недопущение лишения прав единоверцев по занятию должностей в органах сельского и волостного самоуправления в населенных пунктах и местностях, где они проживали совместно с крестьянами православного вероисповедания.

Таким образом, содержащая претензии к имперской власти относительно предоставления мусульманам гражданских прав анонимная «докладная записка» резко выделялась на фоне остальных прошений своей оригинальностью и политической ангажированностью. Не вызывает сомнения, что автором прошения был представитель татарской интеллигенции из либеральных кругов. Уполномоченный, который обратился за пояснениями к этому лицу, видимо, посчитал составленный им текст слишком радикальным и не имеющим ничего общего с общинными интересами полупривилегированного казачьего сословия, однако счел нужным адресовать ее по назначению.

Резюмируя, отметим, что среди различных сословных групп мусульман татары-казаки ОКВ были самыми активными участниками петиционного движения 1905 г. Они искренне надеялись, что сумеют воспользоваться историческим моментом, предоставленным революцией, для решения своих насущных проблем. Содержание петиций казаков по вопросам реформирования управления духовных дел мусульман перекликалось с коллективными прошениями гражданского населения других регионов. На общем фоне просьбы казаков выделялись критикой деятельности своего военного начальства, акцентированием внимания центральных властей на необходимость исправления ущемлений в сфере школьного образования. В целом петиции иллюстрируют общественное настроение представителей мусульманского казачьего сельского традиционного общества, для которых архиважным представлялось сохранение конфессиональной идентичности подрастающего поколения единоверцев через обеспечение преемственности этноконфессионального образования. В данный период вопросы гражданского равноправия в российском обществе для мусульманских представителей полупривилегированного казачьего сословия не имели актуальности.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамовский А. П. Первый Оренбургский съезд учителей казачьих школ // Оренбургу — 250 лет : программа и материалы науч. конф. Оренбург, 1993. С. 6—9.

¹ Власть проигнорировала эти обращения.

2. Аминов Р. Р. Освещение истории татар в Оренбургском казачьем войске в отечественной историографии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2013. № 3. С. 3—18.
3. Аминов Р. Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1848—1917 гг.). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 348 с.
4. Аминов Р. Р. Этносоциальная история нагайбаков во второй половине XVIII — начале XX в. // История и культура татар-кряшен (XVI—XX вв.) : коллект. монография. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 235—254.
5. Аминов Р. Р., Годовова Е. В., Загидуллин И. К., Халиков Н. А. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах : коллект. монография. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 309—326.
6. Атнагулов И. Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX — начала XX века. Магнитогорск : МаГУ, 2007. 244 с.
7. Атнагулов И. Р. История формирования нагайбакской идентичности в 1736 — первой трети XX в. // История и культура татар-кряшен (XVI—XX вв.). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 254—271.
8. Ганелин Р. Ш. Петиции эстонских, латвийских и литовских крестьян по указу 18 февраля 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 18. С. 195—208.
9. Годовова Е. В. Отношение к школьному образованию в казачьей среде во второй половине XIX века (на примере оренбургских казаков) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2014. № 9 (120). С. 84—90.
10. Годовова Е. В. Оренбургские и уральские казаки // История татар с древнейших времен : в 7 т. Казань : Идел-Пресс, 2013. Т. 6. Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. С. 163—167.
11. Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2014. 434 с.
12. Дубовиков А. М. Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах : коллект. монография. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 298—308.
13. Дубовиков А. М. Этноконфессиональный состав российского казачества // Казачество в тюркском и славянском мирах : коллект. монография. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 391—411.
14. Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (европейская часть России и Сибирь). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 461 с.
15. Загидуллин И. К. Татарское национальное движение в 1860—1905 гг. Казань : Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.
16. Загидуллин И. К. Уфимский курултай 1905 года. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 328 с.
17. Кортуннов А. И. Народы Урала на службе в Оренбургском казачьем войске (XVIII—XIX вв.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. 186 с.
18. Кортуннов А. И., Фокин А. А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI—XIX вв.). Уфа : [Б. и.], 2012. 113 с.
19. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара ; Челябинск : [Б. и.], 2008. 478 с.
20. Мифтахов Р. Г. Факторы, влиявшие на формирование образа татарского народа, в трудах современников в конце XVIII — начале XX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2012. № 2. С. 100—113.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье (ПСЗРИ-3). Т. 24. Отделение I. СПб. : 1907. № 25495.
22. ПСЗРИ-3. Т. 25. Отделение I. СПб., 1907. № 25853.
23. Рахимов Р. Н. Аннотированная хроника военной службы народов Урала в XVI—XIX вв. Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. 108 с.
24. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 10. Д. 25.
25. Саматова Ч. Х. Организация татарских учительских школ в законодательной практике российского государства в пореформенный период // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2015. № 5. С. 204—215.
26. Саматова Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX — начале XX в. Казань : Татар. кн. изд-во, 2013. 239 с.
27. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836—1903 гг. Уфа : Оренбург. магометан. духов. собр., 1905. 332 с.
28. Севастьянов С. Н. Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819—1895 гг. (Краткий исторический очерк). Оренбург : Типо-литогр. губ. правления, 1896. 39 с.

29. Фәхрәтдин Ризәтдин. Дини вә ижтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр. Казан : Рухият, 2011. 342 б.

30. Церковный вестник. 1894. № 1. С. 2—5.

Поступила в редакцию 03.10.2019

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
E-mail: zagik63@mail.ru

UDC 94(470.57)“1905”

I. K. Zagidullin

Petitions of the Tatars-Cossacks of the Orenburg Cossack army of 1905 as a source for the study of sociocultural problems of ethnic communities in the early 20th century

One notable feature of the initial stage of the First Russian Revolution of 1905—1907 was the submission of petitions addressed to higher authorities by representatives of all ethnosocial groups of the population authorized by the autocracy. In order to bring their true sociocultural needs to the capital imperial structures, Tatars-Cossacks of the Orenburg Cossack army actively joined the petition movement.

The article highlights the geographical and chronological framework of the petition campaign among the Tatars-Cossacks, the composition of the authorized commissioners and village societies that took part in this social movement, the general and special notes in the texts of collective petitions of the Cossacks and the rest of the Muslim civilian population of the Volga-Ural region.

The requests of the Tatars-Cossacks, set out in petitions, are structured on topics such as the Cossack problems themselves, issues of expanding religious and cultural autonomy and providing Muslims with equal civil rights with the rest of the country's population.

Key words: Tatars-Cossacks, Orenburg Cossack army, Ural Cossack army, revolution of 1905—1907, petition campaign of 1905, modernization of Islam, Muslim education.

Zagidullin Ildus Kotdusovich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Modern History
Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Russian Federation, 420111, Kazan, ul. Baturina, 7A
E-mail: zagik63@mail.ru

References

1. Abramovskii A. P. Pervyi Orenburgskii s'ezd uchitelei kazach'ikh shkol [The first Orenburg Congress of teachers of Cossack schools]. *Orenburgu — 250 let: programma i materialy nauch. konf.* [Orenburg — 250 years. The program and materials of sci. conf.]. Orenburg, 1993, pp. 6—9. (In Russian)
2. Aminov R. R. Osveshchenie istorii tatar v Orenburgskom kazach'em voiske v otechestvennoi istoriografii [Illumination of history of Tatars in the Orenburg Cossack army in a national historiography]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2013, no. 3, pp. 3—18. (In Russian)
3. Aminov R. R. *Tatary-kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voiska (1848—1917 gg.)* [Tatars-Cossacks as part of the Orenburg Cossack Army (1848—1917)]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2017. 348 p. (In Russian)
4. Aminov R. R. Etnosotsial'naya istoriya nagaibakov vo vtoroi polovine XVIII — nachale XX v. [The ethnosocial history of the Nagaybaks in the second half of the 18th — early 20th centuries]. *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI—XX vv.)* [History and culture of the Tatars-Kryashen (XVI — XX centuries)]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2017, pp. 235—254. (In Russian)
5. Aminov R. R., Godovova E. V., Zagidullin I. K., Khalikov N. A. Tatary-kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voiska [Tatars-Cossacks as part of the Orenburg Cossack army]. *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds]. Kazan, Kazan. un-t Publ., 2018, pp. 309—326. (In Russian)

6. Atnagulov I. R. *Nagaibaki: opyt kompleksnogo istoriko-etnograficheskogo issledovaniya khozyaistva i material'noi kul'tury vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [The Nagaybaks: the experience of a comprehensive historical and ethnographic study of the economy and material culture of the second half of the XIX — early XX centuries]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2007. 244 p. (In Russian)
7. Atnagulov I. R. *Istoriya formirovaniya nagaibakskoi identichnosti v 1736 — pervoi treti XX v.* [The history of the formation of the Nagaybak identity in 1736 — the first third of the XX century]. *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI—XX vv.)* [History and culture of the Tatars-Kryashen (XVI — XX centuries)]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2017, pp. 254—271. (In Russian)
8. Ganelin R. Sh. *Petitsii estonskikh, latviiskikh i litovskikh krest'yan po ukazu 18 fevralya 1905 g.* [Petitions of Estonian, Latvian and Lithuanian peasants by decree of February 18, 1905]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Leningrad, 1987, vol. 18, pp. 195—208. (In Russian)
9. Godovova E. V. *Otnoshenie k shkol'nomu obrazovaniyu v kazach'ei srede vo vtoroi polovine XIX veka (na primere orenburgskikh kazakov)* [Attitude to schooling in the Cossack environment in the second half of the XIX Century (on the example of Orenburg Cossacks)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 2014, no. 9 (120), pp. 84—90. (In Russian)
10. Godovova E. V. *Orenburgskie i ural'skie kazaki* [Orenburg and Ural Cossacks]. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v 7 t.* [History of the Tatars from ancient times. In 7 volumes]. Kazan, Idel-Press Publ., 2013. Vol. 6. *Formirovanie tatarskoi natsii. XIX — nachalo XX v.*, pp. 163—167. (In Russian)
11. Dzhundzhuzov S. V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Yuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoi identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII — pervaya chetvert' XX veka)* [The Kalmyks in the Middle Volga Region and the Southern Urals: Imperial Acculturation Mechanisms and the Problem of Preserving Ethnic Identity (Mid 30-ies of the XVIII — First Quarter of the XX Century)]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2014. 434 p. (In Russian)
12. Dubovikov A. M. *Tyurkskii element v istorii Ural'skogo (Yaitskogo) kazach'ego voiska* [The Turkic element in the history of the Ural (Yaitsk) Cossack army]. *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds]. Kazan, Kazan. un-t Publ., 2018, pp. 298—308. (In Russian)
13. Dubovikov A. M. *Etnokonfessional'nyi sostav rossiiskogo kazachestva* [Ethnic and religious composition of the Russian Cossacks]. *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds]. Kazan, Kazan. un-t Publ., 2018, pp. 391—411. (In Russian)
14. Zagidullin I. K. *Musul'manskoe bogosluzhenie v uchrezhdeniyakh Rossiiskoi imperii (evropeiskaya chast' Rossii i Sibir')* [Muslim services in institutions of the Russian Empire (European part of Russia and Siberia)]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2006. 461 p. (In Russian)
15. Zagidullin I. K. *Tatarskoe natsional'noe dvizhenie v 1860—1905 gg.* [Tatar national movement in 1860—1905]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo Publ., 2014. 423 p. (In Russian)
16. Zagidullin I. K. *Ufmskii kurultai 1905 goda* [Ufa Kurultai of 1905]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2018. 328 p. (In Russian)
17. Kortunov A. I. *Narody Urala na sluzhbe v Orenburgskom kazach'em voiske (XVIII—XIX vv.)* [The peoples of the Urals in the service of the Orenburg Cossack army (XVIII — XIX centuries)]. Ufa, RITs BashGU Publ., 2009. 186 p. (In Russian)
18. Kortunov A. I., Fokin A. A. *Kazaki-musul'mane na sluzhbe v kazach'ikh voiskakh Urala (XVI—XIX vv.)* [Muslim Cossacks in the service of the Cossack troops of the Urals (XVI—XIX centuries)]. Ufa, 2012. 113 p. (In Russian)
19. Kuznetsov V. A. *Irregulyarnye voiska Orenburgskogo kraia* [Irregular troops of the Orenburg region]. Samara, Chelyabinsk, 2008. 478 p. (In Russian)
20. Miftakhov R. G. *Faktory, vliyavshie na formirovanie obraza tatarskogo naroda v trudakh sovremennikov v kontse XVIII — nachale XX v.* [Factors that influenced the formation of the image of the Tatar people in the works of contemporaries in the late XVIII — early XX centuries]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2012, no. 2, pp. 100—113. (In Russian)
21. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. The third collection] (PSZRI-3). Vol. 24. Otdelenie I. St. Petersburg, 1907, no. 25495. (In Russian)
22. PSZRI-3. Vol. 25. Otdelenie I. St. Petersburg, 1907, no. 25853.
23. Rakhimov R. N. *Annotirovannaya khronika voennoi sluzhby narodov Urala v XVI—XIX vv.* [An annotated chronicle of the military service of the peoples of the Urals in the 16th — 19th centuries]. Ufa, RITs BashGU Publ., 2009. 108 p. (In Russian)
24. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 821. Op. 10. D. 25.
25. Samatova Ch. Kh. *Organizatsiya tatarskikh uchitel'skikh shkol v zakonodatel'noi praktike rossiiskogo gosudarstva v poreformennyi period* [The organization of the Tatar teacher's school in the legislative practice of

the Russian state during reforms]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2015, no. 5, pp. 204—215. (In Russian)

26. Samatova Ch. Kh. *Imperskaya vlast' i tatarskaya shkola vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Imperial power and the Tatar school in the second half of the XIX — early XX centuries]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo Publ., 2013. 239 p. (In Russian)

27. *Sbornik tsirkulyarov i inykh rukovodyashchikh rasporyazhenii po okргу Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya. 1836—1903 gg.* [A collection of circulars and other guidelines for the district of the Orenburg Mohammedan Theological Assembly. 1836—1903]. Ufa, Orenburg. magometan. dukhov. sobr. Publ., 1905. 332 p. (In Russian)

28. Sevast'yanov S. N. *Shkol'noe obrazovanie v Orenburgskom kazach'em voiske za 1819—1895 gg. (Kratkii istoricheskii ocherk)* [Schooling in the Orenburg Cossack Army for 1819—1895 (Brief historical essay)]. Orenburg, Tipo-litogr. gub. pravleniya Publ., 1896. 39 p. (In Russian)

29. Фәхретдин Ризәтдин. Дини вә иҗтимағый мәсәләләр: сайланма хезмәтләр. Казан, Рухият Publ., 2011. 342 б. (In Tatar)

30. *Tserkovnyi vestnik*, 1894, no. 1, pp. 2—5.